

Митя Вельяминов

МУЗЕЙ ГЕРОЕВ

Дмитрий Вельяминов

Музей героев

«Пробел-2000»

2019

УДК 821.161.1-1Вельяминов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Вельяминов Д. М.

Музей героев / Д. М. Вельяминов — «Пробел-2000», 2019

ISBN 978-5-98604-702-7

Митя Вельяминов родился в 1988 году, то есть принадлежит к поколению, на детство и отрочество которого выпали «славные» или «лихие», как угодно, – но, безусловно, переломные и очень значимые для российской жизни годы. Как явление социальное оно не описано ни социологами, ни литераторами – не всем же так везет, как ровесникам Сэлинджера, узнавшими себя в героях романа «Над пропастью во ржи», интонационно и психологически очень близкого «Музею героев». Жизнь подростков в школе и на улице, участие в молодежных группировках, алкоголь, наркотики, музыка, кино, отношения с миром взрослых – всё это описано не со стороны, а дано как свидетельство личного опыта миллениала. Так что этот роман, пожалуй, первая попытка не только самоосознания, но и создания образа нынешних тридцатилетних.

УДК 821.161.1-1Вельяминов

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-702-7

© Вельяминов Д. М., 2019

© Пробел-2000, 2019

Митя Вельяминов

Музей героев

Моим друзьям...

Внимание:

содержит ненормативную лексику и сцены насилия!

© «Пробел-2000», 2019

© Вельяминов Д. М., 2019

1

На этой собачей площадке для меня многое произошло впервые. Здесь мы сидели со старшаками вокруг костра и ели пожаренную на решетке радиатора курицу, которую Миха украл из магазина. Здесь Спартак угостил меня моей первой сигаретой «Космос». Здесь я увидел, как быстро пьянеют девчонки от теплой водки. Сюда ушел мой напившийся отчим, чтобы порезать вены, а я дождался, пока он опьянеет, и выкрал у него лезвие. Здесь прошла моя первая драка с тяжелыми телесными повреждениями. Здесь менты выстрелили в мою собаку из «калаша», когда она помешала им бухать. Но все же мы были еще детьми – и чаще всего здесь мы просто разводили огонь. Однажды мы с Толей нашли во дворе корзину, набитую купюрами МММ. В то время по телевизору все время говорили, что в стране рухнула крупнейшая финансовая пирамида. Купюры были новые, пачки по пять-шесть стопок были упакованы в целлофан. Видимо, где-то рядом был склад, их выбросили потому, как они уже не представляли никакой ценности, но все же еще совсем недавно они являлись настоящими деньгами. От них сильно несло краской. Мы бросали эти пачки в огонь и чувствовали себя настоящими богачами. Я помню, что одной из жертв этой финансовой аферы стал мой дядя – он потерял значительную сумму денег, которую заработал перегоном автомобилей из Германии. С тех пор, когда кто-то делает семейную фотографию, он надевает черные очки.

Наш двор, окруженный тремя кирпичными сталинками, по сути представлял из себя пустырь, в нем были только железные гаражи-ракушки и железный пункт приема стеклотары, который привлекал пьяниц со всей округи. Их манера общаться и любовь к витиеватым мыслетформам и сложнейшим пируэтам мата, постепенно нами осваивались. В большинстве своем это были заводские работяги и люди с тюремным прошлым – так что, еще даже не попробовав взрослой жизни, мы с первых мгновений пребывания в ней уже знали, как следует вести диалог. Только слова этих людей были грубыми – двигались они плавно, даже с некой грацией. Их руки и лица опухли настолько, что невозможно было определить возраст – двадцатилетние и сорокалетние могли выглядеть совершенно одинаково: засаленные, но приглаженные с утра волосы, поношенная одежда, потухший взгляд. Друг к другу они относились с состраданием, опохмеляясь, могли строить планы на день с неменьшей важностью, чем крупные воротилы бизнеса, у которых ключевым моментом дня мог быть крупный денежный перевод, а у них главным в

расписании могло быть «опохмелить Иваныча», так как тот сегодня не встал. Тем не менее они все время грозились, друг друга «выебать», нанести «единственный, но смертельный» удар, «закопать», «поссать на могилу» – и все это из-за одного глотка водки. Однажды я видел, как они летним утром вчетвером распивали бутылку водки. Один из них – крупный детина – выпил из горла, но тут, видимо, ему поплохело, колени подкосились, и он начал падать, не выпуская бутылку из рук. Другой алкаш не на шутку перепугался и бросился его поднимать, но третий ему крикнул: «Бутылку, бутылку держи!» А у пивнушки через дорогу – в которой заправлял дядя Саша, и которая являлась Меккой для всего этого сложного контингента – по старинке разливали бодрянное пиво в принесенную покупателем с собой стеклотару. И там можно было услышать не менее трагикомичные диалоги. В 7 вечера, когда пивнушка закрывалась, я как-то увидел последнего клиента. Очередной молоденький дедушка в разных кроссовках успел к окошку и вытряхнул в него мелочь с видом человека, который пришел издалека и заработал их с большим трудом. Посуды для пива у него не было, и дядя Саша нехотя налил ему литр в банку, принадлежавшую заведению – что, в общем-то, было исключением и удачей. Клиент взял пиво, отошел на несколько метров и сделал довольно существенный глоток. Лицо его мгновенно помолодело, и с широко открытыми глазами он сказал: «Вот это пивко! Бальзам!» А дядя Саша, который много лет пивко изготавливал, поглядел на своего покупателя из окошка и метко прокомментировал: «Ну, кого ты пытаешься наебать?!»

Когда матери удавалось загнать меня домой на обед, я садился за кухонный стол и смотрел старенький черно-белый телевизор, который стоял на подоконнике. Я видел новости, много репортажей с мест боевых действий в Грозном, Хасавюрте, Гудермесе и так далее – навсегда запомнив названия всех этих чеченских городов и селений. Я ем мамин суп, а наши солдаты рассказывают в камеру, что чеченцы убивают их товарищей, отрезают им гениталии и засовывают их в рот, перед тем как повесить. Я не всегда понимал, о чем речь, но, когда я выходил во двор, мы играли в «чеченку» – эту игру изобрел Спартак. Мы брали кирпичи и разбегались в разные стороны от ракушек, затем ходили вокруг и между ними и бросали друг в друга острые обломки камней. Главной задачей было попасть в голову. А вечером вся детвора из тех, кто не получил серьезных увечий днем, стягивалась к красным качелям – они были единственные, и, конечно же, их не хватало на всех. Вопрос решался бы по старшинству, но старших пацанов не интересовали прыжки в положении стоя с качелей, набравших полный ход. Дима, старший брат Дениса, Макс, Шершень и Спартак, тогда всю игру в популярны видеогры вроде «Мортал Комбат», рассказали нам о них, после чего мы брали себе имена этих видеоперсонажей и сходились в настоящих драках до первой крови или пока один из двух участников не сдастся. Но сдаваться было нельзя – старшие делали на нас ставки, к тому же все это нередко видели девочки. Мы с Диней были самые младшие, но Диню от драк отмазывал брат, поэтому я почти каждый вечер возвращался в крови. Отказаться от драки было нельзя, чтобы тебя не сочли «сы-клом» – после чего лучше вообще не выходить из дома (хотя были, конечно, и такие, но, видимо, у них был какой-то другой дом). Драться пришлось даже моему соседу Гере, несмотря на падение с дерева, после которого он ходил в корсете. Но за меня болел Спартак – высокий, толстый парень, которого все боялись. Хотя никто никогда не видел, чтобы он кого-нибудь бил, все знали – он возьмет что-нибудь тяжелое и убьет. Это просто чувствовалось. Поначалу я всегда проигрывал, особенно Толе, но Спартак объяснил мне, что я самый младший и шансов у меня мало, поэтому драться честно совсем не обязательно. Наносить первый удар исподтишка, бросать песок в глаза, натягивать майку на голову и бить, пока изнутри не проступят пятна крови, бить по яйцам, с ноги в коленные чашечки, бить в ухо, выдавливать пальцами глаза, душить, выламывать руки, пальцы и все, что можно выломать, сверху обхватывать голову и вбивать ее в асфальт, наносить удар головой в нос, а лучше ногами, когда противник уже лежит и плачет. Если вы не видели, как все это проделывали семилетние мальчишки – значит, вы очень мало знаете о детях, в которых еще не стерты механизмы выживания.

До того, как я пошел в первый класс, я уже умел читать, писать и даже считать столбиком. Но нашей учительнице сейчас это было не нужно, от меня требовалось только, чтобы я ровно выводил буквы в прописи, и именно это получалось у меня хуже всего. Ни одна буква не была похожа на другую, и каждый день я приносил домой двойки, вписанные красной ручкой размашистым почерком в мою красную пропись, которую я ненавидел. Постепенно все смирились с тем, что я двоечник, и моих родителей это не пугало. Они относились к этому с юмором, меня это не пугало тем более, потому как я вообще не чувствовал, что для кого-то должен быть хорошим учеником. Это тревожило только нашу классную руководительницу Г.Б. Маленькую, вечно красную и похожую на морскую свинку, которую запихнули в неестественно узкую для нее одежду и которая вот-вот обосрется. Она боролась за показатели, и главным ее желанием было, чтобы из ее класса отличников меня перевели в коррекционный, куда она уже отправила всех ребят, похожих на меня и проводивших все свободное время во дворе. Но для этого нужно было согласие родителей. Они были против – им не нравилось само слово «коррекционный». Они были детьми, выросшими на советской хронике, и это слово могло напоминать им слово «концентрационный». Я их вполне понимаю. Злоба Г.Б. нарастала. Она вставляла в мои прописи записи: «У вашего ребенка уже двенадцать двоек!» И мои родители говорили мне за ужином, что они всерьез полагают, что Г.Б. – законченная психопатка. Я был не против. Когда Г.Б. поняла, что к моим родителям взывать бесполезно, она начала настраивать против меня своих мальчиков-отличников – культивируя в них дух превосходства над двоечником. Никогда не забуду дебильную школьную фотографию, где я, хотя и высокого роста, стою в последнем ряду, а все ее любимчики сидят на корточках у ее пухленьких ножек, по-идиотски скрестив руки на груди. Г.Б. манипулировала этими детьми со знанием дела. Но что они могли? Это были домашние мальчики, которые знали, что за мной стоят пацаны из старших классов и ребята из моего двора, которые умели профессионально причинять боль. Но я никогда не просил их о помощи, у меня самого вполне хватало сил, так как, когда я пошел в первый класс, отчим сделал из красивого рюкзака, предварительно купленного мамой, боксерскую грушу. Он набил его всякой старой одеждой и подвесил в моей комнате, одна веревка крепилась к потолку, другая – к полу. Помню, как он сказал: «Тебе не нужен рюкзак, тебе нужно уметь правильно бить в нос». И он был абсолютно прав. Я бил своих одноклассников на каждой перемене после того, как они, смеясь, поддакивали Г.Б., что я буду дворником и бомжом, тогда им становилось стремно. Я бил Карташова в нос, он был похож на глиста и быстро сдавался. Бил Кочана. Помню, как таскал его за ноги по линолеуму, поддавая ногами. Бил подсираву Та-рабошкина из моего двора, который выходил из дома только в школу. Остальные просто ссали, пока однажды не решились накрыть меня группой, зажав в угол в классе. Тогда я впервые почувствовал восторг битвы, когда ты один бьешься против всех. Лица их искажены от ярости, но ты все равно видишь страх в глазах каждого. Непередаваемое чувство. Тебя бьют кулаками и ногами – но ты не только не падаешь, а чувствуешь, как возрастают силы в этом противостоянии. Я отбился, но они не забыли. Как-то, когда мы строем спускались по лестнице, кто-то с разбега толкнул меня в спину, я кубарем полетел вниз, очнулся только в машине «скорой», не помня, что случилось. Тяжелое сотрясение мозга. Когда я вышел из больницы, одноклассники начали меня как-то по-особенному бояться, сильнее, чем раньше. Теперь они перестали поддакивать Г.Б., поэтому меня начала побаиваться и она. Это неважно сказалось на моем и без того плохом поведении: теперь, если мне что-то не нравилось, я просто вставал и уходил с урока – или не приходил на него вообще, потому как не нравилось мне всегда. Но я не был самым опасным человеком в младших классах, им был Юрий из коррекционного. Он всегда сидел тихо, но приходил на уроки с машинками – маленькими спортивными копиями болидов «Формулы 1». Спокойный, крупный парень, он никого не трогал, ни на кого не обращал внимания, хотя над ним в открытую смеялись даже учителя, называя его дебилом за то, что во время уроков он играл в машинки. Но Юрика это не волновало. А вот когда Саша

Пестов по просьбе учительницы во время урока попытался отобрать у него машинки, Юрик взял железный стул и пробил Саше голову. Саше делали трепанацию черепа, а Юрика перевели в другую школу, где он продолжил свою незатейливую игру. Когда мы чуть повзрослели, мы снова встретились с Юриком и стали хорошими друзьями.

Школу я ненавидел. Как все дети, любил летние каникулы и игру в футбол. У нас было большое футбольное поле, и для полноценной игры требовались не менее пяти человек с каждой стороны. Играли и меньшим количеством, когда вратарь становился и защитником, и нападающим. Бегать приходилось немало. Играли в основном старшие пацаны. В дождь, в снег, в жару и по колени в грязи. Не выпуская сигарету изо рта, парни отмазывали нехилую дистанцию по полю, вкладывая в каждый удар всю свою силу, как будто он был последним в их жизни – не раз мне казалось, что мяч не выдержит и лопнет. Он летел в твою сторону под аккомпанемент густого мата вместе с кусками грязи. Хотелось отойти, но тогда ты упустишь возможность въехать по мячу. Ты все равно уже весь в грязи и пыли, твои колени стертые, и тебе уже нечего терять – мяч у тебя. Но тут на полном ходу в тебя врзается какой-нибудь верзила, в три раза превышающий тебя по весу, и ты отлетаешь, как пух, в одну-единственную на поле лужу необъятных размеров. Встаешь, обтекаешь, и начинается драка, в которой верзила скорей всего снова махнет тебя в лужу, но вскоре будет нехило избит членами твоей команды. Но не из-за того, что им стало тебя жалко – просто накопело. У этих драк не было серьезных последствий – к концу игры все непременно друг друга прощали. Это даже не обсуждалось, это было нормально. Никто не держал зла, ведь после такой игры каждый чувствовал себя победителем. Кто не очень хорошо играл, тот охуенно комментировал. Особенно сильно по мячу бил Федоров из девятого, после его удара мяч приобретал скорость реактивного самолета, и вратарь даже не пытался его поймать – это походило бы на самоубийство. Но Федоров и сигарету умел выкуривать за четыре затяжки. Помимо всего прочего, он обладал убийственным взглядом: когда он на тебя смотрел, ты начинал чувствовать, что стоишь на краю бездны. Поскольку такой взгляд у него был не только в моменты плохого настроения, а всегда, и даже когда Федоров улыбался, – думаю, это ощущение конца было знакомо всем. Поэтому ребята выбирали слова при общении с ним. Но Федоров редко с кем говорил – во время игры он слушал плеер. Я был рад, что он живет в моем дворе, а не в соседнем.

Все парни любили футбол, но в нем нужно было много бегать и бороться за мяч. В жаркие летние дни, когда школа была закрыта и все стремились просто приятно проводить время, нашей любимой игрой был квадрат. На асфальте мелом рисовали большой квадрат, который разделяли крестом на четыре равных части. В центре креста рисовали круг. В игру вступали четыре участника, и каждый занимал один из секторов. Далее мяч вводили в игру мощным ударом в центр круга. В секторе, куда летел мяч, игрок должен был ударом ноги или головы отбить его до того, как тот совершит более одного касания земли. При этом удар должен был быть такой силы, чтобы мяч не улетел за линию всего квадрата. Таким образом мяч летал от одного игрока к другому часами, постоянно находясь в воздухе на уровне второго этажа. Играли на выбывание, поэтому, помимо атаки мячом для случайно затесавшихся игроков, применялись и словесные выпады. Если с ребятами из нашего двора в квадрат входил кто-нибудь из соседнего, у него могли как бы между делом спросить:

- Тебе сколько лет?
- Тринадцать.
- А почему у тебя ноги тогда такие волосатые?
- Нормальные ноги...
- Да нет, посмотри, у всех вот нормальные, а у тебя, словно шерстью покрыты.
- Да я просто расту.
- А мне мама говорила, что волосы на теле у детей – признак дебилизма.

После такого диалога человек, который до этого, в общем-то, неплохо играл, действительно начинал играть, как debil, и быстро выбывал. И так целый день, пока кто-нибудь не отвлечется на пейджер с сообщением: «Быстро домой!» В эту игру мы могли играть днями напролет. Я достиг в ней неплохих успехов. Туда же, на школьный двор, приходили тусоваться девчонки из восьмых-девятых классов. Они стремились выглядеть так же, как солистки их любимой группы «Spice Girls». Кроссовки на очень высокой платформе, что существенно увеличивало их рост, юбки которые еле-еле прикрывали зад, камуфлированные кислотные топики, ярко окрашенные волосы, и подведенные черным глаза. Худые и бледные, они были с нами одновременно грубы и нежны. Они всегда ждали своих пацанов – угрюмых, стриженных ежиком, в кожаных куртках, – которые въезжали на школьный двор на своих тонированных «девятках», из которых орали танцевальные техно-хиты. Мы слушали эту музыку, пока одна из девчонок не сядет в машину. Затем машина трогалась, въезжала на футбольное поле, разгоняя всех, кто там находился, делала пару крутых разворотов на 180 градусов и медленно уезжала. В такие моменты мы останавливали игру и просто смотрели им вслед. В то время у всех бандитов было в моде встречаться со школьницами. Мы понимали парней, потому что и сами были влюблены в этих девочек.

Одним из этих угрюмых пацанов был Миша. Он не был на войне, служил где-то в Подмосковье. Я не видел его до того, как он отслужил. Теперь же вся детвора знала его как отчаянного парня, который вечно пьяный гоняет на своем новеньком красном мотоцикле «Ява» по округе и общается с местными бандюгами. Все девочки были в него влюблены, а участковый его ненавидел за кучу жалоб от пожилых жильцов дома на то, что Миша ночами шумит своим мотоциклом, поет и ругается. Участковый тоже был молод и, наверное, ему хотелось того же. Но вместо этого, ему – в серой форме, которая не вызывала у людей никакого доверия, – часто приходилось стоять возле подъезда у красного мотоцикла и ждать, когда Миша выйдет опохмелиться. Но тот выходил ближе к вечеру, когда рабочий день участкового подходил к концу. Тогда участковый сменил тактику и начал доставать Мишину маму, потому как отца у него не было, но Мише это не понравилось. И он как-то встретил участкового вечером, когда тот садился в свою «Таврию» и был одет в штатское. Миша был уже пьян. Участковый, увидев его, захлопнул дверь и начал заводить машину. Миша кулаком разбил боковое стекло автомобиля, просунул в салон руку, по которой кровь стекала на дверцу машины, а затем, в образовавшееся отверстие втиснув и другую руку, схватил милиционера за грудки, вытащил наружу и очень сильно избил ногами. Все это длилось минуту, но следов осталось много: залитая кровью машина с разбитым стеклом, под которой лежал окровавленный милиционер. Мишу отмазала мама, у нее были связи – все это выставили как пьяную потасовку. И вот теперь он, с перебинтованной правой рукой, сидел на собачьей площадке, рассказывая нам эту историю. Мы с Толей и девчонки итак ее уже знали, об этом говорили все. Миша никогда не брезговал общением с нами, малолетками. Мы разводили огонь и мыли его мотоцикл, а он показывал нам свои армейские татуировки. Миша жарил курицу и пил водку вместе с девчонками, которые пьянели значительно быстрее, чем он. Они подпевали кассетному магнитофону, который можно носить с собой. Из него звучал абсолютный хит «Солнышко в руках». Я ел курицу грязными руками, которыми только что мыл мотоцикл. Светило солнце, девочки улыбались и пели – я был счастлив. Помню, как одной из девчонок стало плохо от выпитого. В тот момент, когда все разбирали куски курицы с раскаленной решетки радиатора, она встала и пошла в кусты, ее рвало, а Миша в свойственной ему манере лаконично прокомментировал: «Ну и дура, на мясо обломалась». Я хотел быть таким же, как он. Но Миша не чурался и общения с дворовыми алкашами, что наносило некоторый ущерб его репутации среди сверстников. Постепенно он начал спиваться. Девочки от него отвернулись, к осени Миша уже пропил свой мотоцикл, к зиме он стал похож на одного из дворовых алкоголиков. Зима была холодная. Однажды он возвращался домой поздно вечером с недопитой бутылкой, присел на лавочку у подъезда. Водка

согревает. Он уснул, и никто из соседей и редких ночных прохожих его не разбудил, да и мать спала. К утру обнаружили его замерзшее, покрытое инеем тело.

Мне уже 10, я тырю сигареты у своего отчима, и мы с Толей и его младшей сестрой бегаем курить в подъезд соседнего дома. Там живет Пашка-контуженый. Ему двадцать два, и он уже ветеран, он был в Чечне, но о войне он молчит. Мы просто вместе смеемся над Олей, которая курит не в затылок с очень серьезным взрослым видом. Она накрашена, у нее настоящие золотые волосы, белая кожа, серебристое платье и туфли на высоких каблуках. Она была самой нарядной в нашем дворе. Младшая в семье. Ей тринадцать, и Толя ее ненавидит. Она быстро уставала косить под взрослую и снова начинала смеяться над собственными дурацкими шутками, которые сочиняла без конца. Оля вообще бывала только в двух состояниях: или старалась вести себя как взрослая, или выдавала очередную явную глупость. Паша – долговязый, нервный тип. Из его головы уже достали пять осколков. Один остался, самый большой, и врачи опасаются, за Пашину жизнь. Он сидит прямо задницей на холодных ступеньках в своих трениках, не раз прожженных сигаретой, и резиновых тапочках и жалуется на свою жену, которую почему-то боится. Это она не разрешает ему курить дома и гонит в подъезд. Мы как-то зашли к нему всей толпой, не помню зачем, он про сто сел на кровать в своей полупустой комнате, взял нож и молча метнул его в стену напротив. Затем встал и неспешно подошел к стене, покрытой штукатуркой и выкрашенной в блевотный розовый цвет. Достал нож и повторил все снова. «Просто у нее характер тяжелый, – сказал он. – Раньше она была совсем другая, и я был моложе». В стене зияли сотни, возможно, тысячи маленьких дырочек от кончика лезвия. Помню, как Олина мать (она работала продавщицей в коммерческом магазине и целыми днями стояла на ногах, которые у нее болели) отправила за какой-то мазью свою дочь в аптеку в конце квартала. Оля, как всегда была на каблуках, мы побежали через дорогу. В палатке возле аптеки Оля купила коктейль в алюминиевой банке – она видела, как такие брал Толя. «Отвертка» – газированная водка с апельсиновым соком. Когда мы бежали обратно, Оля сломала каблук, но только рассмеялась, сняла туфли и взяла их в руку. Это произошло прямо посреди проезжей части. Теперь она стояла босиком.

– Хочешь попробовать?

– Давай, – сказал я и приложился к банке.

Она снова рассмеялась и сказала:

– Бежим!

Мы взялись за руки и побежали. Когда добежали до дома, она сказала, приняв взрослый вид:

– Знаешь, что я слышала, когда мы выходили из подъезда от Пашки? Он сказал своему другу Саньку, что развлекся бы со мной.

– Я этого не слышал.

– Но он это сказал. Представляешь, сказал: «Эта мелкая хороша, я был с ней лег». Я больше туда не пойду.

– Но он же контуженый.

Виталик Попов учился в параллельном классе и с раннего детства занимался спортом. Отчаянный парень. Он жил через три дома, на другой стороне улицы. Это считалось далеко, и он уже загасил Ваньку из соседнего двора. А Ванек был далеко не промах. Я дрался и с тем, и с другим. Но эти драки обрывались на середине. Победитель был не установлен. Теперь же Виталик пришел в наш двор. Это случилось утром. Я просто ждал Диню у единственного в округе каштанового дерева. Тут за помойкой, поодаль, я увидел Виталика и еще двоих пресмыкающихся: Толстого и Тонкого, как в анекдоте. Виталик был крепко сбитый, коренастый парень с узеньким лбом и глумливым выражением лица.

– Иди сюда, Митяй, мы тебя загасим.

Сомнений в серьезности его намерений у меня не возникло, я подошел. Этим двоим я видел впервые, но их я особо не опасался – было понятно, что они не начнут раньше Виталика. Наших пацанов вокруг не было, шансы мои были ничтожны.

– Виталь, я сейчас свистну пацанам, вы же будете отсюда на четвереньках ползти и прощения просить, – сказал я.

А это действительно могло быть так, но двор был пуст, и Виталик видел это. Он закусил губу и сказал:

– Тебе пиздец! – после чего встал в позу.

Его пацаны начали меня обступать. И в эту минуту мои нервы впервые сдали. Позади меня была помойка, и на железном контейнере валялась увесистая железка с острыми концами, похожая на сломанную деталь от стеклоподъемника грузовика. Я схватил эту палку и начал размахивать ею прямо перед их рожами с воплем: «Я тебе голову снесу, уебок!» Железка пролетела в сантиметре от глаз Виталика. Они обосрались, причем одновременно, и побежали в свою сторону, как будто почувствовали, что это не пустая угроза. Я действительно хотел это сделать. Они отбежали метров на двадцать, потом тормознули, о чем-то быстро поговорили, и Виталик крикнул мне:

– Ты, псих, стрела тебе сегодня вечером! Мы придем!

Нас было человек двадцать-двадцать пять, мы стояли в проулке между домами – это были не все, и ждали, когда появятся они. Все смеялись. Это действительно было необдуманным решением со стороны Виталика: Федоров, Волков, Шершень, Голова, Спартак, Толик и остальные наводили ужас на всю округу. Просто Виталик не догадывался, что все они, как назло, живут в моем дворе и сегодня будут смотреть на нашу с ним драку, вызов на которую они восприняли как личное оскорбление. А это значило, что при любом исходе нашего поединка Виталик будет просить прощения и ползти на четвереньках домой. Это знали все, кроме него. Он появился в конце улицы с пятью друзьями, в руках они несли длинные палки и двигались бодро. Пацаны заржали, они уже выпили пива, расслабились, и теперь им было просто смешно. Смеялись громко. Виталик увидел нас, палки сразу были отброшены, и двигалась вся компания уже не так уверенно. Бежать не имело смысла – они уже поняли, что их ждет не драка, а казнь. Когда они подошли, их окружили. Они просто стояли с виноватым видом, особенно тощий, который нес самую большую палку. Тоха сразу на него смачно харкнул. Слюна стекала по футболке тощего, а он разглядывал асфальт – как и его друзья, как будто там они увидели нечто новое, что требовало особого внимания. Они уже проиграли, но перед расправой пацаны хотели зрелищ. Я глотнул пива и отдал Спартаку свой красный болоньевый бомбер «Адидас» с тремя белыми полосками на рукавах, он был особенный – его где-то купила мама, и такого не было ни у кого. Именно из-за него меня ненавидел Виталик. Мы двинулись на футбольное поле, там пацаны встали в круг, центром которого были мы с Виталиком. У меня был тяжелый удар: я уже давно не различал ударов по мячу от ударов по человеку, главное было – попасть. В окнах семиэтажек зажглись огни. Я выкурил сигарету, и мы начали. Мне сразу же удалось два раза попасть сопернику в голову. У него был разбит нос, и теперь он ходил вокруг меня и отскакивал при любой моей попытке приблизиться. Много мата, все дают советы. Даже отличник Женек из соседнего подъезда, который ни разу не был в такой ситуации, кричал, чтобы я валил этого «пидораса» с ноги. Пацанов уже возбудил вид крови. Толик крикнул Виталику:

– Сука, если не будешь драться, я тебя сам завалю!

И Виталик бросился. Мы пошли в слепой обмен ударами и снова разошлись без видимых потерь. Это длилось действительно долго, дольше, чем когда-либо, – мы оба уже устали. Спартак объявил перерыв. Я хотел воды, ее не было. Спартак давал мне новые советы, которых я уже не слышал. Виталик стоял поодаль, его друзья старались стоять еще дальше. Шершень сегодня вынес свое пневматическое ружье, он увидел, как Виталик стоит с отсутствующим видом и спросил:

– Ты куда, сука, смотришь? – после чего с трех метров выстрелил ему в лицо и пробил щеку.

Виталик только вскрикнул:

– Ай, блядь!

Но никто из друзей даже не дернулся в его сторону. Он истекал кровью, но, когда мы продолжили битву, снова только прыгал вокруг меня, по-прежнему энергично. Я на него – он от меня. И вот мы уже у оврага, с другой стороны поле, овраг за моей спиной, я вымотан. Виталик кинулся на меня, я споткнулся о корень дерева, торчащий из оврага, и упал. Отличная возможность нанести мне сильнейший удар ногой в голову, что он и сделал. Это нокаут, пацаны орут:

– Ну, пиздец тебе! Так нельзя!

Наверное, можно – на его месте я поступил бы так же. Я встал, голова сильно кружилась, из носа хлестала кровь, поднял руки и снова по инерции двинулся в сторону Виталия, но его уже месил ногами Толя. Спартак накиннул мне на плечи куртку и, оттолкнув меня в сторону, сказал, что мне пора домой, сам же побежал мочить Виталькиного друга, схожего с ним комплекцией. Я развернулся и ушел. За моей спиной раздавались крики: «Не надо!» Ребят жестоко прессуют, но мне это уже не интересно, я знаю, что будет дальше, и уже не чувствую ни злобы, ни тревоги – ничего. Полнейшее опустошение. Вся футболка в крови... У меня слабые сосуды в носу, и, если из него пойдет кровь, ее сложно остановить. Когда я был совсем маленьким, я боялся, что она вся вытечет из меня. Теперь этого страха не было – я просто получал странное удовольствие от ощущения дряхлеющей пустоты. Я столкнулся с соседями, они странно на меня посмотрели, а я по привычке улыбнулся и сказал: «Здрассте». Вошел домой. Мама не сильно удивилась, набрала в ванну воды. Я был весь в крови – своей и Виталика. Лег в ванную, вода в ней очень быстро стала красной. Приехали врачи, сказали, что у меня снова сотрясение мозга.

2

Неделя в Морозовской больнице, и я снова дома. Мне все еще десять, и меня ставят на учет в детскую комнату милиции. Я не расстроен. Первый поход к следователю – это как инициация. Все мои друзья уже давно на милицейском учете, и теперь я полноправный член этого закрытого клуба. Кабинет следователя по делам несовершеннолетних от кабинета врача-педиатра отличается только тем, что у педиатра в кабинете были доски с перечнем болезней, которые меня ожидают, а у следователя – список уголовных статей, которые мне светят, если я не сойду с «кривой дорожки». Но я никогда не читал этих перечней, а только разглядывал картинки и думал: «Где же они берут этих уебищных рисовальщиков?»

В сравнении с реальностью «кривая дорожка» – весьма абстрактное понятие. Надо сказать, я уже тогда испытывал ненависть к представителям власти. Учительница в школе, милиция и те, кого в телевизоре называли политиками – в моем сознании были одни и те же персонажи. При этом мне никто не говорил: «Запомни, это плохие люди». Нет, это было как будто с рождения, как инстинкт, впитанный с молоком матери. Хотя я и был ребенок, но я умел сопоставлять факты, я видел, как живут люди, я видел, как менты возле метро отбирают деньги у старух, продающих последнее. Когда эти автоматчики подходили к лотку со старыми книгами и цветами, выращенными на даче, старуха белела и начинала хвататься за сердце – никто не решился бы помочь ей в эту минуту. Мне не нужно было расшифровывать, что происходит. А рожи политиков в телевизоре улыбались или надувались, изображая сочувствие. Но я не чувствовал присутствия этих телевизионных персонажей – в моей жизни правила автоматчики, которые, как писали газеты, замучили сегодня в отделении очередную проститутку, просто потому, что ночь длинна, а им для плана не хватало группового изнасилования. А учителя, которые утверждали, что быть дворником плохо, а милиционером – хорошо, поощряли стукать

чество. Но все же в большинстве своем они были дилетанты, и было бы неплохо, если бы они знали, что манипулировать детьми – это страшный грех. И неважно, ради чего ты это делаешь: ради положительных показателей успеваемости в классе или ради получения сексуального удовольствия – и то, и другое обнаруживает между собой поразительное сходство. Но благо, что такое, как у меня, восприятие действительности было у большинства детей той поры – даже отличник понимал это, и доносчиков было немного, и, когда их выявляли, они становились изгоями. Такая участь постигла Аникеева. Г.Б. пообещала плюстик к его вечной четверке, и он стал докладывать ей, кто у кого списал, кто что сказал – и многое другое. Такие незначительные подробности из жизни детей могут заинтересовать только отъявленного извращенца, к тому же взрослая тетя знала, на что она толкает несмышлениша... Мы собирались засунуть ему в задницу шершавую палку, но он вовремя убежал.

Однажды мой отчим повез нас с мамой в ресторан – это было в один из тех моментов, когда он неплохо заработал. В тот вечер он выпивал больше обычного. Мне было все равно, где есть – дома или в ресторане, в то время вся еда казалась мне одинаковой, поэтому я просто смотрел на своих родителей и не понимал их радостного оживления, а они критиковали меня за мрачный настрой. Отчим брился налысо, носил черную кожаную куртку, спортивные штаны, и нижняя челюсть после того, как он выпивал, у него непременно выдвигалась вперед. В общем, выглядел он типичным представителем своего поколения. Выходя из ресторана, он чего-то не поделил с охраной, началась драка. Мы с мамой стояли на улице, мама молча курила. Но охрана не справилась и вызвала милицию. Через пять минут приехал милицейский козлик, отчима скрутили, при обыске нашли железную телескопическую дубинку с выдвигаемым стальным стержнем и повязали. Мама хваталась за отчима у «УАЗика», но ее оттолкнули. Я тоже пытался его освободить – мент посмотрел на меня и сказал, что если я буду так делать, то они и маму заберут. Отчима судили и приговорили к двум годам условного заключения за хулиганство и ношение холодного оружия. Условное заключение подразумевало частое пребывание дома. Теперь он сидел в квартире, ему было нечего делать, и он взялся за мое воспитание. Я и раньше получал от него по заднице ремнем, особенно после того, как пообещал его убить, когда вырасту. Но теперь это стало происходить особенно часто. Отчим каждое утро меня будил: прошло то время, когда я вставал раньше всех – с началом учебы в школе я потерял всяческое желание просыпаться по утрам. Отчим входил в мою комнату и произносил однуединственную, усвоенную им еще во время службы в ракетных войсках, фразу:

– Подъем за 45 секунд.

Минут через 15 я вставал и шел на кухню, еда по утрам в меня не лезла, но отчима это не заботило. Я впихивал в себя дембельские бутерброды, от которых меня тошнило. Толстый кусок белого хлеба, намазанный сливочным маслом, с двумя половинками вареного куриного яйца сверху. Затем я должен был пойти в ванную, там умыться и причесаться на прямой пробор. Мне никогда не удавалось добиться этой прически, и в результате на голове выходил какой-то шухер. В этот момент отчим уже начинал злиться, он сам брал в руки железную расческу, смоченную в холодной воде, и с нажимом, резкими движениями пытался добиться правильной, в его понимании, прически. Я стоял по-прежнему с сонным видом и терпел боль. Но вся эта красота наводилась только затем, чтобы отправиться с ним на турник, расположенный на школьном дворе, где он каждое утро подтягивался двадцать-двадцать пять раз, в мороз, в дождь – в любую погоду. Я хватался за холодную перекладину и начинал чувствовать вес съеденных бутербродов в животе и чувствовать отчима спиной. Он стоял сзади и говорил: «Давай». Меня начинало мутить, но я тянулся вверх.

– Шире хватку, блядь!

Я делал хватку шире. Все. Больше я даже не старался. Просто висел на перекладине кулем, выжидая, пока отчим выругается, ему надоест, и он покажет мне, как это нужно делать, энергично выполняя упражнения. Затем мы пойдем гулять с собакой – у нас была кавказская

овчарка. Я очень ее любил. Иногда она находила на земле говно и начинала его есть. Меня тошнило все сильнее. День только начинался – день, за который я обязательно сделаю что-нибудь, достойное порки, к которой я постепенно привык. Самыми болезненными были первые и последние удары. Те, что были посередине, ударов десять-пятнадцать, как правило, можно было терпеть. Это происходило уже вечером, когда я приходил с улицы. Мама отстранялась и уходила на кухню, в такие минуты все вокруг, каждый предмет, знакомый с детства, становился чужим и казалось принадлежащим кому-то другому и ему сочувствующим – ему, но не тебе. Стены знакомой комнаты не треснут и останутся равнодушными, даже если тебя замучают до смерти. Но отчим быстро понял, что порка меня только злит, и к ней добавилась еще одна мера – холодный душ. Я сопротивлялся, но он буквально за шиворот затаскивал меня в ванную и поливал ледяной водой, затем уходил. Меня трясло, я чувствовал себя одиноким до невозможности, но в такие моменты восприятие действительности у меня обострялось. Из мира уходила вся его иллюзорность, и с каждым разом это состояние становилось все более естественным для меня. Но послушным я от этого не становился. На меня не действовал ни кнут, ни пряник, потому, как я четко усвоил, что одно не исключает другого и присутствуют во всем в равной степени. А потому не стоит поддаваться плохому или хорошему отношению к себе, это по-прежнему лишь меры воздействия, то есть насилие.

Из школы меня отчислили за пропуски и за то, что я по слал нахуй учительницу. Но в целом жизнь по-прежнему шла своим чередом. В один из летних дней, в полдень, я видел, как из канализационного люка за домом до ставали труп мужчины. Видимо, он пролежал там достаточно долго. Сильно распухшего и посиневшего, его доставали с помощью грузовика и лебедки. Люк огородили по периметру, вокруг столпилось много зевак, которые, кроме того, что пытались сходу идентифицировать изуродованное тело, преждевременно признав в нем кого-то из дальних знакомых, еще и давали советы ментам. Двое из них склонились над ржавым ободом колодца и придерживали тело за плечи, в тот момент, когда натягивалась лебедка. Менты и сами неплохо умели возиться с трупами. В толпе наблюдающих никто не падал в обморок и не закатывал глаза – убивали кого-нибудь каждый день. Извлечение трупа из колодца было вполне естественной частью жизни. В этой толпе было много моих знакомых. Длинный – совершенно отмороженный парень, который нюхал клей, а однажды развел на крыше школы костер, чтобы сварить раков. Вскоре его отчислили за нападение с ножом на одноклассника. Позже он станет известнейшим в наших местах автоугонщиком, его закроют по подозрению в семнадцати эпизодах и посадят за три раскрытых. Шершень, который найдет себе красивую женщину и купит «Тойоту» – но приедут менты, оденут наручники и увезут его в армию, после чего он станет единственным знакомым мне человеком, которого оттуда выгонят. Рейвер Яша, который периодически что-то откручивал или крал с грузового «Камаза» своего отца-дальнобойщика в те редкие моменты, когда тот приезжал домой. Яша и так все время ходил в одном и том же спортивном костюме, мотивируя это тем «чтоб боялись», и ему нужны были деньги, чтобы каждую ночь убегать на первые московские рейвы. Он жил в соседнем подъезде. Я видел, как позже, он в резиновых тапочках на голую ногу в пятнадцатиградусный мороз будет медленно выползать из подъезда за героином. Пашка-контуженый, Ванек на краденном велосипеде, перекрашенном в золотой цвет, и мы с Толей – со всеми нами позже многое произойдет, но сейчас мы просто смотрим, как из канализационного люка достают труп, и нам даже немного жаль этого погибшего человека.

Отчим как-то решил построить дом в отдаленной деревушке на Урале. Три дня мы плыли на барже по реке – это был единственный способ туда добраться. Вокруг только непроходимый лес, горы и ни одного населенного пункта. На барже плыли капитан, механик, а из пассажиров только мы с мамой и отчимом, заплатившие за это деньги. Отчим, видимо, хотел на всякий пожарный обзавестись местом, где его никто не нашел бы. Не знаю подробностей, но конечный пункт нашей поездки действительно находился далеко. Когда река замерзала, туда

можно было добраться только на вертолете. Это вполне устраивало отчима и даже забавляло. Станным было только то, что громадная баржа, на которой мы плыли, перевозила всего одну бочку бензина, а в капитанской будке у штурвала стояла заряженная охотничья двустволка. Я понял, в чем дело, когда гулял по пустой палубе и слышал из трюма глухие мужские голоса и стоны. Мы плыли в поселок, носящий название этой реки, и нас заранее предупредили, что он окружен зонами строгого режима. В первый же день капитан начал сильно пить. Мой отчим был хорошо загружен водкой. Во второй день пить начал и механик. Тогда они уже без зазрения совести доверили штурвал мне. Ощущения мои были двойственные. С одной стороны, я чувствовал, что управляю громадной машиной. С другой, я не очень хорошо понимал – куда и зачем мы плывем. На третий день капитан с механиком уже стреляли с палубы по пролетающим мимо уткам. Одну подстрелили и выловили сачком. Я не стал спрашивать, что за голоса звучат из трюма, – мне вообще было несвойственно задавать лишние вопросы. Мужчины пили много, но сохраняли напряженную бдительность и почти не пьянели. Мама готовила им еду, а когда смотрела на меня, то улыбалась и говорила, что все в порядке. А я и не нервничал. И когда еще по дороге сюда, в Перми, заехали к маминим родителям в гости, где мой отчим ночью бил мамино отчима боковым встречным ударом, и когда у того изо рта на обою летела кровавая слюна, а потом их приехал разнимать пермский ОМОН – я тоже не нервничал. Я уже давно все воспринимал отстраненно, как в кино. Следующим днем мы, наконец, прибыли на место. В поселке было тихо и пустынно. Это напомнило мне, как герой Клинта Иствуда въезжал в какой-нибудь Богом забытый мексиканский городок в вестернах Серджио Леоне. Отчим с мамой пошли в контору к какому-то начальнику, который мог продать дом и участок земли, а я просто наблюдал за очень загорелым мужиком, полностью покрытым татуировками, который уже давно чинил проводку наверху фонарного столба, держась на нем при помощи двух крюков на ботинках. Работал он не спеша, высота его нисколько не напрягала. Он закурил, и я крикнул:

– Мужик, дай сигарету!

Он посмотрел вниз. Некоторое время он просто разглядывал меня. Наверное, по моей красной куртке и кроссовкам он сразу понял, что я издалека. Затем мужик скинул мне сигарету «Прима». Я поймал её налету, закурил, присел на корточки у столба и продолжил наблюдать за тем, как он возится там наверху. Шел мелкий дождь, воздух был свежий, вокруг горы. За двести долларов нам продали столетний дом в деревне недалеко от поселка. Нижние венцы бревенчатого сруба подгнили, но отчим был очень доволен. Деревня располагалась на отшибе, вдоль дороги. С одной стороны ее были горы и лес, с другой, – быстрая холодная река Колва. В этой деревне было около шести жилых домов, и во всех жили работники окрестных лагерей. Остальные дома были заброшены и полуразрушены и своими заколоченными окнами напоминали обиталища призраков, особенно в белые ночи, которые здесь длились довольно долго. Когда мы впервые вошли в дом, весь пол был усеян пустыми бутылками и собачьими черепками, попадались старые почтовые открытки и письма бывшему хозяину. Сосед – дядя Коля, – всю жизнь проработавший охранником в зоне, теперь был на пенсии, чинил старый «Москвич» и пил. Он сказал, что бывший хозяин дома – хороший мужик, который после отсидки остался здесь жить, а потом откинулся.

– Ехать ему было особо некуда, вот он и пил, а собак ел с голоду, – дядя Коля показал на тополь между дорогой и домом: – Думаю, на нем и повесился.

Теперь это место считалось не очень хорошим, но мои родители были лишены подобных предрассудков. В первый же день они поручили мне отмывать стеклотару и закапывать собачьи кости. Потом мы с отчимом чинили ворота и забор, а он рассказывал мне, что у русских плотников после того, как они ставили сруб, было заведено в первое время отливать на нижние бревна: «Дерево от этого крепчает» – что мы регулярно и делали. Маму это раздражало, и она часто говорила, что это больше похоже на то, как собаки метят территорию. Когда я закончил

с черепами и бутылками, кроме отливания на сруб, занятий у меня не было. Я уходил гулять в горы, компании у меня не было, но, как говорили местные, все медведи были в тайге, за рекой – все, что было за рекой, называлось тайгой. Мне было не страшно – встретить можно было только поселенцев, которые дотягивали последние сроки в колонии рядом с деревней. Такую возможность администрация предоставляла только тем, у кого не было дисциплинарных взысканий. Условия там были приближены к вольным. Зэки этим не рисковали, их можно было не опасаться, хотя спрятаться, если завидишь их издали, будет не лишним. Так мне сказал дядя Коля. Еще он рассказал мне историю про одного зэка. Срок его заключения подошел к концу, и ему нужно было только добраться до причала в поселке. Он шел по лесной дороге к своей цели, а навстречу ему – молодая Валюша, любимая жена Коли, с которой он живет по сей день. Зэк давно не видел женщин, к тому же красивых. Он встал перед ней, загородив ей путь. Валя испугалась и побежала в лес наискось, в сторону деревни. Зэк забыл про причал и про катер и бросился за ней, Вале удалось убежать – она хорошо знала эти места. Вечером дядя Коля, тогда еще молодой и сильный, нашел этого зэка пьяного в деревне. Он приволок его в свой сарай и там изнасиловал. Все деревенские мужики стояли снаружи. После чего зэк, сильно хромя, уехал домой. Когда дядя Коля рассказывал мне эту историю, он смеялся. Я видел добродушного седого старика в дурацкой кепке, худощавого и сильно боявшегося своей огромной жены. Его здоровье уже было подорвано ежедневным потреблением некачественного алкоголя. Мне наш сосед, в общем-то, нравился своей простотой и разговорчивостью, вызванной, как правило, водкой. Но мне было неприятно смотреть на его сарай и думать, что там он изнасиловал мужчину. Когда я рассказал эту историю дяде Сереже, самому громадному мужику в округе, жившему на холме и работающему надзирателем в изоляторе, он только улыбнулся, пригладил усы и сказал:

– Да... Дядя Коля...

Дядя Сережа, когда выяснил, что мой отчим занимается реставрационным бизнесом и приехал на Урал с целью изучения народного уральского зодчества, перестал относиться к нам как к подозрительным московским гостям, которых здесь в качестве вольных никогда не было, и постепенно начал пить с моим отчимом. Вскоре к ним присоединились и остальные мужики, так как дяде Сереже все в деревне доверяли. С отчимом их объединяло то, что пили они каждый день и помногу. Дядя Сережа, Юра, Миша – все они служили в ВДВ и прошли по две войны: Афганистан и контрактную службу в Чечне, обладали недюжинным физическим здоровьем и большим запасом историй, например, про то, как три дня лежали на сырой земле под Грозным, когда над головой свистели пули, потому что трое суток без перебоя палили пулеметчики. Но война кончилась, у них ордена и медали, теперь каждый день с жуткого бодуна они исправно ходят на работу в зону, где на вышках с автоматами стоят их жены. Ко мне эти мужики относились хорошо, даже по-отечески, – им нравилось, что я каждый день ходил гулять в горы и мог даже в самый сильный жар пересидеть всех в бане по-черному, которую дядя Сережа топил по выходным. Все уже выходили, а я сидел – мне это было несложно, я воспринимал это как своего рода соревнование. Сережа сказал однажды: «Парень выносливый», – и это многое значило. Мог и целыми днями сидеть на сеновале, на чердаке нашего дома, и просто смотреть на дорогу. Почти каждый день, рано утром, отчим ездил на единственном автобусе в поселок, на котором и возвращался часа в четыре. В поселке был магазин – всего один, и, поскольку продукты привозили раз в неделю на барже, а иногда и не привозили вообще, в этом магазине было довольно пусто. Зато там почти всегда было сгущенное молоко и вафли с джемом, которых я ждал. Отчима интересовала только водка, мне всегда хотелось сладкого, которого там было много, вот я частенько и сидел на чердаке, глядя на дорогу, по которой два раза в день проезжал автобус и два раза – автозаки, больше почти ничего. В автозаках привозили на работу и увозили с работ зэков. Синие грузовики с небольшими зарешеченными окошками в кузове. Зэки очень быстро реагировали на все изменения в окружающей их действительности,

и они сразу заметили, что старый дом на отшибе деревни заселен новыми людьми. Проезжая мимо на скорости примерно 60 км в час, через небольшие окошки в кузове они глядели на меня. Я тоже смотрел на них, но мы никогда не обменивались какими-либо знаками или словесными приветствиями, и это повторялось изо дня в день. По отдаленному шуму мотора я уже знал, какая приближается машина. В иные моменты стояла абсолютная тишина, слышались только редкие всплески быстрой и вечно холодной реки Колвы. В один из таких дней, услышав шум двигателя автобуса, я спрыгнул с сеновала во внутренний двор нашего дома. Я проделывал это много раз, но в тот день мне не повезло. Ржавый гвоздь, валявшийся в траве, пробил резиновый сапог и вошел глубоко в ступню. Я сел на землю и выдернул его, затем хромая вошел в дом, снял сапоги. Мама, как всегда, побледнела – я вообще часто заставлял её нервничать. Так было, например, когда я сдружился с цыганскими детьми подо Псковом. Мы бросали старые охотничьи патроны в костер и бежали по полю врассыпную, чтобы сигануть в овраг до того, как взорвется капсюль. Или каждый раз, когда приходил домой с разбитой рожой, когда ей звонили матери других детей и говорили, что напишут на меня заявление в милицию, когда убежал из дома и заявил, что не намерен возвращаться. Теперь это происходило все чаще – я выросл. Но с гвоздем – это был пустяковый случай. Пришел отчим и, набрав в шприц водки, промыл мне рану. Затем десантник Юра, квадратный и покрытый вытатуированными черепами в беретах, которые он наколот себе сам, сказал, что неплохо было бы, чтобы я еще накатил полстакана. Он рассказал историю, как в детстве босиком играл в футбол с гвоздем в ноге и довольно долго этого попросту не замечал:

– А потом думаю, чего-то бегаются как-то хреново... Смотрю, а у меня гвоздь в ноге, ну, достаю, естественно, и дальше.

Мне налили первые в моей жизни полстакана и дали инструкцию, как пить залпом, но я в ней и не нуждался. Когда я выпил, Юра изрек:

– Даже не поморщился.

И меня вырубил. Сразу. Проснулся я часа через два. Всем было как-то смешно, что я сразу начал ходить. Я тоже смеялся.

Поначалу поселенцы иногда приходили к нам, предлагая помощь в благоустройстве, теплые одеяла, кипятильники, ведра и разную хозяйственную утварь. Естественно, им нужны были деньги. Водкой с ними расплачиваться было нельзя. Во-первых, распитие алкоголя было строжайшим нарушением режима, за что можно было вернуться в зону до конца срока. Во-вторых, за время срока они пристрастились к чифирю и, отвыкнув от водки, могли сильно опьянеть даже с небольшого ее количества, что наверняка привело бы к тяжелым последствиям. По слухам, если в камеру попадала бутылка водки, они не пили ее, а кололи по два куба в вену. В результате с одной бутылки в говно могла нажраться вся камера. И это был один из самых скромных примеров изобретательности людей, находившихся в постоянной интеллектуальной войне с тюремной администрацией, которую им нередко удавалось удивить до глубины души. В то время я слышал много таких рассказов. Среди них были смешные и не очень. Как-то Юра рассказывал про то, как он был в поисковой группе. Целую неделю с собаками по лесам они искали двух беглых эков – Авторитетного и Бычка. Когда Авторитетного нашли, Бычка он уже съел и сказал, что Бычок на вкус был нечто среднее между курятиной и крольчатинной. Никогда не забуду, как один из поселенцев заново складывал нашу разбитую печку, кликуха у него была соответствующая – Печник. Он отсидел уже двадцать лет за убийство всей своей семьи – по белке скорее всего. Взрослые были где-то на улице, а я сидел рядом и с интересом наблюдал, как он работает. Чтобы сложить печь, ему понадобился всего один день. Иногда он прерывался, чтобы закурить «Приму» и сделать пару глотков чифиря. Печник присаживался на корточки и облакачивался спиной на бревенчатые стены сруба. До сих пор я помню его взгляд, обращенный внутрь, а не наружу – на землисто-сером лице холодные, с неподвижными зрачками глаза, которые не смотрят ни на что, но при этом видят все. Это взгляд, который ни с

чем не спутать, из какого-то неведомого мира, но в то же время абсолютно спокойный и сдержанный. Мне теперь легко удастся обнаружить такой взгляд в толпе, даже если его обладатели давно утратили все прочие следы длительного тюремного заключения.

Пришло время уезжать в Москву, об этом мне сказали родители. Уже около года я не ходил в школу из-за наших разъездов, но в результате мне его зачли как обучение в четвертом классе, которое на тот момент считалось не обязательным. Помню последний день на Урале. Поднявшись на холм с крутым обрывом, я увидел привычную картину: пятеро мужчин в камуфляже пили водку и варили что-то странное в баке над костром. Между собой они почти не разговаривали, а только наблюдали за тем, как кипит кусок сырого мяса в бачке. Курили и пили без тостов. Ранний вечер, меня пригласили к огню. В какой-то момент десантник Юра сказал, что надо купнуться. Он снял тельняшку и в штанах бодро побежал к краю холма. Ни у кого не вызвало удивления его желание окунуться в холодной и быстрой реке, дно которой усыпано острыми камнями. Юра, как и все, был пьян и потому забыл, что под этим холмом, высотой с трехэтажный дом, не река – которая протекает под холмом, что ниже, – а дорога. С разбега рыбкой он сиганул вниз, но никто из мужчин не придал этому значения. Никто не кинул даже взгляда ему вслед. Все знали, что Юра служил в ВДВ и прошел две войны, как и все остальные, кроме меня. Минуты через две после того как раздался шлепок и сопровождающий его мат, Юра вернулся, без видимых следов телесных повреждений и продолжил пить. Что называется «по comment» – все по-прежнему смотрели на кипящее мясо.

Когда я вырасту, я и сам однажды упаду с третьего этажа на камни и битое стекло, а однажды меня даже собьет троллейбус – в обоих случаях, невредимый, я встану и продолжу пить. Это увидит мой хороший друг и поразится – но секрет прост, ему меня научил Юра. Каждый раз, когда собираешься выпасть из окна, быть сбитым машиной или избитым до полусмерти, нужно подгадать момент так, чтобы в твоей крови уже была бутылка водки. У меня всегда получалось.

Я вернулся домой. Из проезжающих мимо на небольшой скорости машин по нашей улице, из всех телевизоров, где не так давно появились музыкальные каналы, орала песня «The Prodigy» – «Firestarter» – о зачинщике неприятностей, пристрастившимся к страху. Меня определили в новую школу. В нашем районе их было еще две: одна хорошая, в которой дети уже с третьего класса свободно говорили на английском, и та, в которую зачислили меня. Как сказала мама, «школа со сложным контингентом». Я быстро освоился. Два дня – три драки: с Герасимом из шестого, бросок через бедро Калмыкова из параллельного и серия ударов с Маусом из моего класса, после чего мы с ним и ско-решились. Отличный парень, похожий на меня, единственное, что ему во мне не понравилось – это майка с Куртом Кобейном. Но вскоре мы уже вместе с пацанами бегали курить на переменке. Мы были младшими из тех, кто курит, – пятый класс. Остальные пацаны были старше. Я уже тогда понял, что это заповедник настоящих отморозков. Выделить кого-то из этих вечно мрачных парней было сложно. Но все-таки такие встречались.

Первым уроком был труд – занятие только для мальчиков. Мы все как-то интуитивно чувствовали, что это рудимент советской системы образования: учить работать на токарном станке тех, кто видел свое будущее только в занятиях коммерцией или, на худой конец, бандизмом, – абсолютная утопия. Это понимал и Саныч, поэтому несколько станков и циркулярную пилу никогда не включали и держали за железной сеткой, чтобы никто из выбравших себе столь нежные профессии не отхуячил себе руку, о возможности чего сообщали плакаты на стене. Возможно, их нарисовал Саныч. На одном из них был изображен малолетний дегенерат с выпученными глазами, брызги крови и, вылетающая из-под лезвия циркулярки, кисть руки. Саныч явно рисовал это не без удовольствия и был доволен результатом. Занять ему нас было нечем. Все стамески и столярные ножи пацаны давно сперли и употребили неизвестно где. Теперь нам не доверяли даже вырезать из дерева, мы сидели на железных стульях, на кото-

рых Саныч ножовкой отпилил спинки, чтобы нельзя было облокотиться, и слушали какую-то сумбурную речь про технику безопасности на производстве и про то, что, по словам Саныча, мы не мужики и у нас нет будущего. С нарушителями дисциплины он – здоровый, но мучаемый кашлем курильщика, мужик – обходился грубо. Мы не понимали, почему раз он такой рукастый, каким хочет казаться, он сидит на такой дерьмовой работе. В нас росла ненависть. Территория моей новой школы была окружена железным забором. С одной стороны к нему прилегал наркодиспансер, с другой – дворы и проезжая часть, устроенная на месте чумного кладбища. Курить мы бегали в футбольную коробку.

В этой школе числился Саврас, худощавый блондинчик, с маленькими бегающими глазками и многократно сломанным носом. Он должен был учиться в седьмом классе, но его часто били за пьяные выходки, и из-за этого его перевели на домашнее обучение. Естественно, теперь он не учился вообще. Но по старой памяти иногда приходил на школьный двор во время перемены навести какой-нибудь кипиш. Это было для него не сложно – он жил в соседнем доме на первом этаже. Сегодня за коробкой он нашел использованный шприц и теперь бегал с этим шприцом по полю, грозясь заразить кого-нибудь СПИДом. Нас немного стремануло, но накинуться на него всей толпой мы не могли – у него все еще оставались друзья-одноклассники, которым он теперь шестерил. Но как раз один из них его и остановил. Миша Злой пробил ему в душу, и Саврас, согнувшись, упал на землю. Перемена закончилась, и мы пошли на урок ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности).

Уже значительно позже я услышу историю, которая многое прояснит, ее поведает мне, освободившийся из Икشانки – тюрьмы для малолетних, – Банан, который учился с Саврасом в одном классе. Саныч был такой нервный и злой не от хорошей жизни, однажды своими речами на уроке труда он достал Килю и Банана. Они скрутили его – а они могли это сделать – и прямо во время урока оттащили в пустой спортзал, где долго били ногами.

– А один, самый ебанутый, по имени Саврас, залез на баскетбольное кольцо и скинул на Саныча мяч для силовых упражнений, – рассказывал Банан.

Историй у Банана было немного, а рассказывал их еще меньше. Он был в авторитете, все его слушали. Говорил, что в Икشانке менты лютуют. За мат будешь висеть вниз головой на специальном турнике в тюремном коридоре (на продоле), а за жалобы и стоны тебя отлупят дубинками. Но тем не менее и там Банану удавалось ходить в шелковой темно-синей рубашке и курить «Парламент». Так что все было не так уж и плохо.

Со своими двойками я не слишком сильно выделялся из общей массы. Я вполне ладил с большинством парней и с девчонками, которые, как ни удивительно, были значительно симпатичнее моих бывших одноклассниц. Это продолжалось, пока в моей жизни не появился Корней. Высокий белобрысый парень из седьмого, он редко приходил в школу, а если появлялся, то не с целью посетить уроки, а разжиться деньгами. Доил он всех, независимо от возраста и даже физического преимущества жертв. Корнея в принципе все опасались. Со снисходительной улыбкой, разговаривал он вежливо и даже сочувственно, улыбался – но, стоило отказать ему в деньгах, неожиданно и очень сильно бил в голову. Так что обычно не отказывали – все знали, что терять ему нечего. Корнея уже хотели посадить в тюрьму, но его это не пугало. Дома его воспитывал старший брат, чемпион по кикбоксингу, но и тот, кажется, зря старался. Корней часто убегал из дома. Меня, как нового ученика, он заметил сразу. Как-то, после окончания урока, он дождался меня в коридоре на втором этаже. Деньги у меня были. Я отказался их давать, Корней улыбнулся, и в его улыбке читалось: «Ничего личного, парень. Просто везде, в каждой школе есть такой человек, который создает всем проблемы, – здесь, к сожалению, это я. Так уж получилось... Ну а кому бы другому быть? Захару, что ли? Он может, конечно, но у него оба родителя зарабатывают деньги, а у меня только брат кикбоксер – он добрый, а я злой. Так что давай не будем усложнять жизнь ни тебе, ни мне. Ты просто будешь платить. Хотя, поверь, мне и самому это не очень приятно». И я, прижатый к стене (Корней держал меня за

грудки), все понимал, но вовсе не собирался становиться терпилой, которого потом все доили бы. Но и драться – я это инстинктивно чувствовал – смысла не было. Корней мог покалечить из-за мелочи, свидетелем чего в последующем я не раз бывал. Поэтому я тоже улыбнулся и сказал, что ничего не выйдет, и это было правильно. Улыбка сползла с лица Корнея, и я понял, почему он всегда улыбается. Когда он не улыбался, он выглядел как человек, способный на хладнокровное убийство. Корней нанес мне хороший удар в нос справа, и на отлете моя голова затылком ударилась об стену. Из носа хлынула кровь прямо на футболку – и это было мне слегка досадно.

– Ну ты подумай до завтра, завтра снова встретимся... Тебе вообще без мазы отказываться.

Но, когда на следующий день я шел в школу, у меня не было не только денег, но даже сигарет. Зато было легкое предчувствие того, что, если не случится чуда, меня, вероятно, будут сильно бить ногами. Просить поддержки у пацанов из своего двора было глупо. Один раз они бы его жестоко наказали – но вряд ли стали делать это каждый день так же, как и провожать меня до новой школы в соседнем квартале. Да и в последующем я опиздюлялся бы постоянно, поэтому в новых условиях рассчитывать можно было только на себя.

Но благо в моем классе учился еще и Леха Чех, белобрысый парень, красневший от собственных идиотских шуток. Он тоже должен был Корнею и ждал расплаты. Когда над тобой сгущаются тучи, то даже школьные уроки, которые обычно тянутся вечность, пролетают мгновенно. На перемене после третьего урока мы с Лехой придумали достаточно красивый план, как выманить Корнея в соседний двор, затем закидать кирпичами, после чего захуярить его палками. Но когда закончился урок и на школьном дворе поодаль увидели Корнея, мы, как-то не сговариваясь, решили просто бежать. Промчавшись сквозь квартал насквозь, через дворы, резко свернули в проулок и там забежали в парикмахерскую – нас охватила радость. В окно мы видели несущегося со злобной рожей Корнея, он даже показался нам смешным. В этой парикмахерской работал пухленький пидорок, с обесцвеченными по тогдашней моде волосами, который сразу вышел к нам навстречу, не скрывая восторга по поводу визита двух ржущих парней. И тут мне в голову пришла мысль, что лучше быть пойманным Корнеем, чем палиться в такой компании, и мы решили выйти и сдать. Когда мы покинули парикмахерскую, Корнея уже не было. На следующее утро мои ощущения повторились. Но волею судьбы классная руководительница Корнея, которой иногда все-таки удавалось его отловить, оставила его на наш урок математики, который сама же и вела – наверное, с воспитательной целью.

– Вот, смотри, Корней, если ты и дальше будешь себя так вести, и с такой успеваемостью, тебя просто оставят на второй год, и это твои будущие одноклассники, – сказала она, хотя таковыми должны были стать ребята из шестого.

Корней сидел рядом с нами, на последней парте, был мрачен как будто бы из-за чего-то другого, словно и не слышал, о чем ему говорит математичка.

– Ребята, это Корней, но вы наверняка его знаете. Два месяца назад родители учеников из параллельного класса собирали подписи, чтобы его отправили в колонию для несовершеннолетних, но его брат, который тоже учится в нашей школе, за него поручился. Однако я что-то не вижу результата. Другие педагоги жалуются, что нередко видят тебя пьяным, – это правда, Корней?

Последнюю фразу наш потенциальный одноклассник как будто бы услышал и достаточно громко произнес:

– Убью суку.

Математичка закашляла, повернулась к доске и начала писать тему урока, сделав вид, что ничего не слышала, а мы с Лехой заржали. Мы вообще, как обычно, смеялись весь урок. С тех пор, как Корней увидел, что мы тоже сидим за последней партой, числимся у математички дебилами и явно не подаем никаких надежд, он нас больше не трогал. Однажды зимой,

когда Корней снова убежал из дома, он сидел в подъезде, куда мы ходили курить после школы. Он хотел, чтобы мы навели его на тех наших одноклассников, у кого водятся деньги. Но мы снова включили дурачков и никого не заложили. Тогда он стал воспринимать нас в целом даже положительно.

Ссоры родителей я всегда предчувствовал заранее: в воздухе витало какое-то напряжение, ощущаемое даже за закрытой дверью моей комнаты. Я знал, что будет дальше. Меня не сильно пугали крики с битьем посуды и прочего имущества. Это лишь выплеск эмоций, который рано или поздно сойдет на нет, и я воспринимал его как избавление от этой напряженной тишины, когда невозможно найти себе место. Мне не нравилось то, что в конце ссоры кто-нибудь обязательно уезжал, а кто-то оставался и пытался взять меня в союзники и настроить против другого, рассказывая мне обо всех недостатках отсутствующего. Мне не нравилось сидеть и слушать это, к тому же я был в курсе всех обвинений и с другой стороны... Но постепенно я привык к полному отсутствию положительных героев в нашей семье. А иногда мама забирала меня с собой ночью, ловила такси и сажала на заднее сиденье. Я никогда не знал, куда мы едем – к ее бывшей однокурснице или к бывшей соседке. Мне это было неважно. В такие моменты из окна автомобиля я мог посмотреть на ночной город, который тогда мне казался очень большим. Неоновой рекламы тогда было не так много, и ночью город был действительно темным, освещенным только редкими фонарями. Мы ехали по центру, мама курила и указывала водителю дорогу. Иногда мы искали круглосуточный обмен валюты. В ночном радиоэфире из магнитолы звучала музыка типа «Ace of Base». Эти женские голоса казались мне особенно красивыми, какими-то ночными. Было ощущение, что они поют именно для меня, поют о том, что все наладится. Ни в чем не было большей тайны, чем в сочетании этого огромного, как мне тогда казалось, города за окнами несущейся машины, табачного дыма и взрослых женщин, чьи голоса утешали меня из радиоприемника. Я был зачарован. Меня сильно укачивало, казалось, что когда-нибудь это все станет моим, и на секундочку становилось радостно... Но потом я просил водителя остановиться, чтобы выйти проблеветаться.

3

Толик – все детство я таскался с ним – был мне, как старший брат, которого у меня никогда не было, который опытнее и сильнее. Мы часто дрались, и он бил со всей дури, как родного. Но, если кто-то шел против меня, Толик всегда влетал в эту драку или же мстил после – хотя я никогда его об этом не просил. Он просто всю дорогу был мстительным и безбашенным. И, поскольку Толик старше на три года, а мы все время тусовались вместе, его интересы были моими интересами, и мне приходилось взрослеть и быстрее врубаться в происходящее. Мой друг был из категории тех людей, от которых – даже в моменты испытываемых ими преданнейших чувств – исходит опасность, гораздо более значительная, чем от любого недоброжелателя. Хотя такими были почти все мои друзья, но именно с Толей, я еще в раннем детстве научился не щелкать ебалом, фильтровать базар, правильно расставлять акценты и не слишком-то расслабляться. Наши мамы дружили, мы все делили пополам, жили в соседних подъездах, и нам никогда не было скучно вместе. Толя орал рано утром в телефонную трубку или в окно:

– Митяй, выходи!

Диня после того, как мы случайно сломали ему ключицу, засел дома и больше с нами не тусовался. А остальные не решались или не выдерживали, ведь мы всегда творили какую-нибудь жесь. Я выходил, и Толя на полном серьезе сообщал, что старший брат сказал ему, что неподалеку, на Ленинском, есть один проулок, где вечерами стоят около сотни голых проститутток, и мы можем пойти и посмотреть на них. И мы шли, и смотрели, засев в кустах, как на тачках приезжают мужики, лапают, а иногда в процессе отбора и задирают юбки девчонкам, – и это было целью нашего дня, и ради этого стоило возвращаться ночью домой пешком через

чужой район. С нами был детдомовец Костян. Он попросился, мы его взяли, хотя он и хромал, из-за чего мы шли медленнее.

И я точно знал, что огребу дома, но зрелище на Ленинском того стоило.

В те летние вечера мы бы и дальше ходили подглядывать за проститутками, если бы Фил не поделился с Толей своим открытием. А оно дорогого стоило. В нашем квартале, через три дома от нас, располагался техникум, по старому – ПТУ, где обучали рабочих профессиям. Сам технарь был двухэтажным и состоял из двух корпусов. Ничего интересного. Но к нему прилегал здоровенный пустырь, поросший сорняками и огороженный глухим бетонным забором, что делало эту территорию закрытой, если бы не дыра в заборе, в месте, где проходила теплотрасса, через которую мы залезали туда, чтобы посидеть на горячей трубе и выпить в компании ребят и девчонок из соседних домов. Эта территория была отведена ПТУ для того, чтобы заниматься спортом, но, видимо, этого предмета у них больше не было, теперь там бухали только окрестные малолетки, а иногда и местные полубандиты, что, вероятно, отбило у учащихся техникума желание заходить за здание, где располагался пустырь, – во всяком случае мы их там никогда не видели. А на трубах мы сживали часто. Во-первых, в холодные дни – так было теплее. Во-вторых, там действительно никого не было и можно было делать все что угодно. Поэтому в это же сто уже с утра стягивались малолетки со всего квартала. Мне было двенадцать, и мне нравилась начинающая рейверша Женя – в желтой кислотной куртке со значками «Prodigy» и в синих гриндерсах, с черными волосами, сережками в брови, носу и ушах и с голосом взрослой женщины. Она всегда приходила со своей чернокожей подружкой Коюмбой. Коюмба была совсем худой и сутулой, постоянно стреляла сигареты и каждый день терпела подъебки. Все парни, что постарше, выпив, называли ее «экзотикой» и предлагали пойти в кусты. Но это было глупо, экзотикой она не была – тоже выросла в этом районе и была рейвершей, как и Женя, гордилась тем, что с нами они тусуются только перед тем, как ехать на Полянку, где нормальные люди отдыхают. Помимо того, что Жене было уже шестнадцать и ей наверняка нравились парни постарше, я еще не особо умел правильно выражать свои симпатии – так что шансов у меня не было. Поэтому я, как и остальные, грел жопу на трубе в ожидании чего-нибудь, что сегодня обязательно произойдет и над чем мы будем смеяться завтра, – и это случалось.

Однажды в жаркий летний день на этих трубах забухал местный отморозок Боря. Он был один, пил с самого утра, и ему было скучно. Вокруг терлись малолетки, он подозвал пухленького Санька и предложил сыграть ему в «камень, ножницы, бумага» на фофаны. Санек был не слишком сообразительный и, видимо, возможность дать фофан подпитому двадцатилетнему быку Боре затмила его разум – он согласился. Мы с Шаманом, Толей и Ваньком окружили их, перешептываясь между собой и делая ставки на то, сколько фофанов осилит Санек. Он проиграл с первого же раза. Боря плотно приложил свою пухлую ладонь к черепной коробке Санька, затем привстал, опираясь на нее, оттянул средний палец и спросил у Сани: «Готов, что ли?» – «Готов», – ответил тот. Боря с оттяжкой вдарил, раздался тихий щелчок, колени Сани подкосились, и он упал, потеряв сознание. Это был сотряс мозгов. На Борю это не произвело никакого впечатления, он только медленно вращал глазами то влево, то вправо – ему было грустно, что у него закончилось пиво.

На этих же трубах мы часто просушивали газету, вымоченную в селитре, которую потом сворачивали в плотные трубочки и поджигали. Это было главным развлечением того лета, все улицы были в дыму. На день рождения Шамана все нажрались и стали пропихивать эти трубочки в стеклянные бутылки из-под водки, закручивать пробку и бросать под ноги друг другу. Бутылки взрывались, летели осколки. В тот вечер за Шаманом пришла его мать и, увидев кучу пьяных, окровавленных, голых по пояс детей, она заплакала. К ней уже приходили из милиции и говорили, что ее сын дергает магнитолы из машин и его разыскивают.

Фил во всем этом не участвовал, ему было семнадцать, и он был выше этого. Один из самых модных парней в районе, с кучей серебряных колец в ушах, он приходил в технарь,

чтобы пострелять из отцовского арбалета. Высокий и рассудительный чувак, иногда он ради прикола целился в нас. Так вот, Фил совершил открытие и наполнил нашу жизнь некоторым смыслом. Он вычислил, что в одном из корпусов технаря женский туалет находится на первом этаже, что было нетрудно определить по покрашенному белой краской окну. Фил догадался просунуть в форточку руку и процарапать изнутри небольшую дырочку для обозрения. И вполне естественно, что поначалу любоваться студентками вечернего отделения, решившими справить нужду, мог только он, так как он был далеко не дурак и молчал о своем открытии. Но вскоре, видимо, найдя для себя что-то получше, он указал нам на это место и сказал:

– Только ни звука, пацаны, а то маза накроется. Дрочить будете дома.

И уже тем же вечером, после начала вечерних занятий мы стояли в очереди из четырех человек. Первым был Толя, за ним – я. Когда началась перемена, и девочки поперли в уборную, это моментально отобразилось на Толином лице – оно лучилось счастьем. Мы договорились, что каждый смотрит по две минуты, но Толя затягивал. Когда он надул щеки и рукой изобразил на груди холм, я не выдержал и с силой оттолкнул его плечом. Это было окно в мир взрослых, писающих, надевающих и снимающих трусы женщин. Поскольку это был техникум рабочих специальностей, большинство из них были очень красивы и похожи на проституток с Ленинского. Только тут все было очень близко, и тебе казалось, что ты находишься не снаружи, а внутри – белые стены, плитка были отлично видны, как и унитаз, стоявший у окна. За ним был еще один, скрытый от нас перегородкой. Девчонки ходили в туалет парами и часто переговаривались. Было хорошо видно ту, что у окна, и только ноги той, что за перегородкой. Обломно было, если у окна сидит некрасивая, а за перегородкой – ее симпатичная подруга. Первой, которую я увидел, была блондинка в сиреневой кофточке. Толя не обманул – грудь у нее была большая. Она писала с очень задумчивым видом и одновременно поправляла лямки лифчика, затем встала, вытерлась кусочком бумажки, спустила и только потом начала натягивать трусы с колготками, немного виляя задницей прямо передо мной. В тот вечер мы с Толей очень стремительно шли домой. Я не помню, сколько это длилось, но у каждого из нас появилась фаворитка, ради которой он приходил туда почти каждый вечер. У меня была красавица-брюнетка. Она одевалась во все черное и всегда приходила одна. Благодаря ей я впервые увидел женские гениталии – конечно же, мельком и только фрагмент, но с тех пор я считал себя везунчиком. Если кто-то утверждал, что видел более красивую девушку, я готов был плюнуть ему в рожу. Если Ванек говорил:

– Та высокая, в бежевом пальто... Я вчера видел, как она мастурбировала, а вас тут вообще не было, и, пиздец, вы обломались.

– Гонишь, хуй тебе на рыло, гонишь. А вот мне красавица в черном показала пизду.

Несмотря на договоренность не палить столь ништяковую мазу другим пацанам, многие просто не могли сдержаться и не похвастаться. Очередь росла. Многие приходили уже днем и терлись у окна в одиночестве, чтобы никто не мешал толчками в плечо и не шептал на ухо обещаний убить. Одним из таких был Толя. Мы приходили, а он курил на трубах со счастливым выражением лица и утверждал, что видел двух лесбиянок. Они вошли неожиданно, когда никого не было, и начали друг друга поглаживать и ласкать. В этом рассказе фигурировал большой искусственный член, сползание по стенке в конвульсиях оргазма и предположение, что все это было сделано специально для Толика. Естественно, я ему не поверил, хотя кто знает. В тот раз он и не особо утверждал, что видел это, как обычно бывает, когда человек врет. Ему было как будто все равно, поверим мы или нет. История была действительно красивой, точно было то, что многие девчонки заподозрили, что за ними кто-то наблюдает, и некоторые даже перестали посещать туалет на первом этаже. Это был облом. А однажды они решили пожаловаться на нас пэтэушникам. Пятеро здоровых парней неожиданно выбежали из-за угла – наверное, если бы они вышибли из нас дурь, то предстали бы в глазах девчонок героями, поэтому лица их были весьма разъяренными. Но, когда они увидели что нас пятнадцать, они как-то в секунду

оценили ситуацию и пробежали мимо, как будто искали каких-то других врагов, там далеко, в кустах. Как видно, молва о том, что пьяные малолетки не слишком-то рассчитывают силу при ударе ногой в голову лежащего человека, делает многое. Видимо, когда они вернулись, то объяснили девчонкам, что это просто дети, и большинство из них перестали стесняться. Жизнь снова налаживалась. Но попадались и такие, кому хронически не везло. Был среди нас парень по кличке Дюша, толстый, но с отличным чувством юмора, ему не везло всегда. Всякий раз, когда он подходил к окну, в туалет входила или какая-нибудь уродина, или во время занятия заходил просрать охранник – но Дюша все равно смотрел. Однажды зашла кудрявая толстуха, и я сразу уступил очередь Дюше, а потом я спросил:

- Ты бы ее завалил?
- Ну да, а ты, че, нет, что ли?
- Я бы не стал.
- Опыт...

Конечно же, такой опыт не шел на пользу моей учебе. Не помню, что конкретно я сделал, чтобы вывести из себя учительницу по русскому, но она сказала, что на следующий урок я должен прийти с мамой, иначе она меня не пустит. Маму я решил не расстраивать, поэтому на русский не ходил еще полгода. Хорошее время. В моем классе учился парень по кличке Маус, сын русского бандита из Казахстана, недавно переехавшего в Москву, мотивируя переезд тем, что казахи после развала СССР по полной щемили и отыгрывались на русских как на бывших колонизаторах. Маус был неординарной личностью, его даже кусал скорпион. Однажды в драке с одним казахом он увидел, как тот, увлекшись прыжками в стойке вокруг него, высунул язык. Тогда Маус сделал резкий апперкот в челюсть, и чувак откусил себе кончик языка. Из рта у него хлынула кровища, глаза наполнились слезами, и он, так и не подобрав часть языка, упавшую в песок, в панике убежал домой. А казахские дети собрались вокруг и некоторое время просто смотрели, как кусок плоти сохнет на солнце, не решаясь сделать из него игрушку, надев на конец палки. Но потом они все же сделали это. Мы смеялись, когда Маус рассказывал эту забавную историю. Но, в общем-то, глядя на него было и так понятно, что ему нередко приходилось драться с казахами и быть гораздо более отмороженным, чем они, просто, чтобы выжить. Бегающий, с прищуром взгляд, полуулыбка и никаких признаков того, что сейчас вам нанесут сильнейший удар, – это как принцип существования. Но старшеклассник Антон этого не знал. Маус застенчиво улыбался, когда тот для профилактики решил его грузануть, но потом поймал головой рюкзак весом в три кило, летящий с разворота в 180 градусов. Это было сильно, Антон слег, но мы все равно добились его ногами – ведь это было началом наших приключений. Хотя я уверен, что мы сделали бы это в любом случае.

После школы мы шли снимать значки с дорогих машин – модное в то время развлечение. Сначала ты создаешь коллекцию, затем продаешь какому-нибудь ценителю. Но мы делали это не из выгоды – просто нам нравился легкий заряд адреналина, который несколько отрезвлял после всего, чем нас одурманивали в школе. Один снимал значок с капота, другой – с багажника тупым лезвием ножа. Важно было найти тихое место, сделать все быстро, смотреть по сторонам и не поцарапать машину. Но бывали моменты, когда буквально из ниоткуда появлялись владельцы. На немецких машинах в то время ездил достаточно сложный контингент. Нам приходилось очень быстро бегать, и тут, как в футболе, был важен рывок – как быстро ты можешь сорваться с места и набрать скорость. Но вскоре мы забросили это занятие, научившись все делать настолько быстро и слаженно, что ощущение опасности притупилось и удовольствие от процесса исчезло. Оставалось только чувство, что кто-то, блядь, очень сильно расстроится.

Уж не помню, как нас занесло в секцию по легкой атлетике во Дворец пионеров. Но тренер сильно удивился, когда мы с Маусом пробежали кросс быстрее, чем ребята, с которыми он занимался уже год, – для него это был удар. Когда он увидел, как мы, особо не напрягаясь, пришли к финишу первыми, присели покурить и даже сделали попытку устроить тотализатор, он

подошел и сказал, что теперь мы должны делать подъем корпуса из положения лежа. Остальные ребята отдыхали, а мы сделали по сотке, после чего он перевел нас в секцию футбола в юношеский клуб «Торпедо». Правда впоследствии выяснилось, что Маус не проходил по росту (он был не такой высокий, как я), и поэтому взяли меня одного. В общем-то, к тому моменту это была уже сплоченная команда неплохо физически развитых парней. Маус во Дворце пионеров больше не появлялся, а меня на первых тренировках встретили довольно прохладно – во время игры никто мне не пасовал, разве только в самых невыгодных ситуациях: когда ты в окружении в зоне одиннадцатиметрового удара и, в принципе, понятно, что сейчас будут жестко фолить. После таких игр оставался неслабый осадок. Оно и понятно – у меня даже не было бутсов, и домой я шел один. Бутсы я украду, но сразу после этого интерес к футболу ослабеет.

Не надо было мне тогда заходить в этот спортивный магазин. Мне все еще 12, и я вошел в только что открывшийся, в глубине нашего района магазин спортивного инвентаря в новом торговом центре. Он только начал функционировать, часть товара еще не разложена, и молодые продавцы, пребывая в состоянии эйфории, еще занимаются оформлением витрин и перегружают товар в кладовку. Первая половина дня, посетителей нет, а я прогуливаю последний урок. Девушка в темной форменной рубашке сразу обращает на меня внимание. Мне это не нравится, потому что я уже вижу приоткрытую коробку с кожаными бутсами «Адидас» и знаю, что у меня не предвидится денег. На моем плече висит сумка, она почти пуста. Я стою спиной к продавцам, и мне кажется, они уже чувствуют, что я слишком долго разглядываю ассортимент на полках. Спиной я словно ощущаю их взгляды и начинаю противопоставлять себя им. Темные форменные рубашки, аккуратные прически, готовность за нищенскую зарплату с утра до вечера искусственно улыбаться каждому входящему и быть начеку, дабы он ничего не спиздил, – если бы не все это, возможно, я не воспринимал бы их настолько чуждыми себе. И, если бы я не чувствовал пропасти между ними и собой, я не смог бы украсть. Но меня уже охватил азарт – кража бутсов представляется мне актом противостояния этим чужакам. Я почему-то вспомнил про разведчиков, работавших в фашистском тылу, и болезненно чувствовал необходимость реванша. Тогда я уронил баскетбольный мяч с верхней полки, что вызвало цепную реакцию, и оттуда попадали все мячи. Когда парень с девушкой наперегонки бросились их поднимать – бутсы уже лежали в моей сумке. Мне казалось, что сейчас продавцы обнаружат, что коробка пуста, но уходил я неспешно, на выходе даже остановился закурить. И только когда я дошел до дворов, я почувствовал неопишуемую легкость, затмившую все другие чувства.

Высокий кудрявый парень похожий на цыгана – это Киля. Мы стоим в подъезде и ждем Савраса, у которого сегодня есть деньги. Киля вечно поплевывает и подпирает стены. Раньше он учился с Саврасом в одном классе, но Саврас теперь учится дома, а Килю перевели в школу для отсталых в развитии из-за того, что как-то он упал с дерева и веткой пробил селезенку. Теперь у него инвалидность, и он вынужден учиться в одном классе с дебилами. Но он не унывает – уроков меньше. Единственный способ его общения с миром – это подбегка всех и всегда. Может просто молча смотреть на тебя и ждать, когда ты ляпнешь какую-нибудь фигню, тогда наступит миг его торжества. Но я молчу, мы ждем Савраса. Киля рассказывает, что однажды его как самого вменяемого попросили нарисовать стенгазету на Новый год. Он не отказался и нарисовал. На плакате был изображен Дед Мороз с мешком подарков и надпись: «Скоро, скоро Новый год... До него кто не доживет?» Его умственно отсталых одноклассников это несколько не напрягло, а учителя оценили творческий подход и плакат повесили в коридоре. Но Киля никогда не смеялся над уродством своих новых одноклассников – как поступал бы тот, кто хотя бы на время хотел позабыть о собственном несовершенстве, – а Киля был красив и полноценен почти во всем.

Это он придумал на Саврасовы деньги купить пол-литра водки, пять литров пива и пойти в бильярдную, которую открыли в конце улицы. (Кстати, меня всегда забавляло в уличной жизни, что все происходило согласно первоначальному плану, продуманному до мелочей, и

выполнялось безукоризненно.) Через полчаса мы втроем уже сидели на заплыванных ступеньках подъезда недалеко от бильярдной. В пластиковые стаканчики с пивом Саврас доливал водку. Я никогда так не пил – мне казалось, что я чувствую, как вращается земля под моими ногами, и, когда мы все выпили, устоять на ней было достаточно проблематично, но пацаны все равно потащили меня в бильярд. По дороге меня стошнило на Саврасовы кроссы и только после того, как Киля купил жетоны, а Саврас пива, меня уложили на одну из лавочек, что стояли возле стен. Комната со столом для пула, низкой лампой, в клубах дыма от дешевых сигарет, с двумя пьяными отморозками, играющими на сто долларов, которых у них нет, и вкус блевотины во рту – все это крутилось, как адская карусель, и было лучшим аттракционом в моей жизни. Я слышал удары шаров и рассуждения Кили о том, как он будет бить ебало Саврасу, если тот не отдаст ему денег в случае проигрыша, и издевательскую ответную фразу Савраса: «Вы бы сняли пиджачок, гражданин начальничок». На меня они редко обращали внимание, как будто все, что со мной происходит, – это нормально. Тогда они представлялись мне проводниками в загробный мир, а их спокойствие подкупало. «Классные парни», – подумал я и уснул.

Мы стояли друг против друга, я улыбался и смотрел ему в переносицу, как учил меня отчим, а он смотрел мне в глаза. И пока его что-то сдерживало, он не бил. Я был готов нанести удар в любую секунду, хотя твердо знал, что у этого чеченца больше шансов выйти победителем. Он был диковат, хорошо физически подготовлен, умел даже садиться на шпагат на двух стульях и мало понимал по-русски. Его взяли в наш класс неделю назад, как раз когда я слег с температурой, и за это время он успел закошмарить весь класс. Его звали Магомед, он был из нас самым крупным, со дня на день у него должна была начать расти борода, и глаза его всегда были «в кучку». В общем, казалось, что еще вчера где-нибудь под Грозным он ставил растяжки и отрабатывал лоу кики на пленных. Его все боялись, и это доставляло ему удовольствие. Когда я вновь пришел на занятия, я просто не понял его юмора, и стрелка была забита. И вот теперь мы – собрался почти весь класс, в котором я не был самым смелым, – стояли за школой. Я чувствовал, что этот парень настроен серьезно. Ненависти как будто не было, про сто вопрос принципа. Так получилось, что я был единственным, кто не засрал и не отшутился от драки с ним. Но для меня избежать драки было против всякой логики, по скольку тогда существенная часть моей жизни состояла из борьбы с собственным страхом. И если бы отказался – мне попросту нечем было заняться. Глядя на Магомеда, я, наконец, понял значение слова «акселерат», иногда употребляемое по отношению к нам педагогами. Этот акселерат сверлил меня взглядом. Единственное, что мне оставалось, это сказать: «Магомед, я не хочу с тобой драться». Мне повезло, он на секунду задумался, и в этот момент я пробил ему в нос со всей дури. Я неделю сидел дома, и во мне накопилось много нерастраченной злобы, которую я вложил в этот удар. Его повело. Все в нем вызывало во мне отвращение – его прыщавая рожа, стрижка горшком, спортивный костюмчик и в особенности тупой агрессивный взгляд, которым он смотрел на меня, когда встал в проходе между партами, ожидая, что я попрошу разрешения пройти. Он был воплощением чьей-то издевки надо мной, как раз тем недостающим штрихом в моей жизни, чтоб я задался вопросом: «С какого рожна?» Теперь Магомеда повело, и я бро сился его добивать. Я слышал, как кто-то орал: «Убей его нахуй!». Магомед схватил меня за ворот кофты, пытаясь удерживать равновесие. Надо признать, что другой бы на его месте уже упал. Но тут сквозь плотное кольцо зрителей прорвалась его мать, женщина в черном платке со стеклянным глазом. Она растащила нас и увела Магомеда, крича: «Почему вы не можете дружить?» До этого в нашем классе уже был парень-чеченец, его звали Мамед. За полгода он не нашел себе друзей и начал замыкаться в себе, иногда он начинал разговаривать на своем непонятном языке. Мы смеялись, а он что-то рычал в ответ, по степенно все к этому привыкли и перестали воспринимать его враждебно, но он куда-то исчез, дружбы так и

не сложилось. Нашим героем был Данила Багров, который говорил: «Не брат ты мне, гнида черножопая».

Но на этом список акселератов в моем классе не заканчивался. Был еще Юрик, реально огромный для своих 13 лет и габаритами напоминавший боксера-тяжеловеса – белобрысый, со скошенным лбом, узкими глазами, массивной челюстью и торчащими вперед зубами. Если бы не его спокойный, добродушный нрав и низкая скорость принятия решений, то мы бы его хоть немного опасались. Но в его случае природа поскупилась на толику агрессивности, которая необходима для выживания в коллективе, где ты не такой, как все. А Юрик сильно отличался. Иногда мы ради смеха нападали на него втроем. Наверное, со стороны это было похоже на то, как обезьяны дразнят слона. Я держал его за шею, Леха пытался выкрутить руку, а Маус прыгал на него с парты, ударяя локтем по хребту. Но все же и для него существовал предел, после которого он переставал рассчитывать силу, и тогда, дико смеясь, мы разбегались в разные стороны. На наших глазах с каждым днем он становился все злее и злее. Это именно он в первом классе пробил мальчику голову железным стулом, когда тот попытался отобрать у него миниатюрные копии болидов «Формулы 1». И теперь Юрик, как и я, оказался в 120-й школе. Последнее, что я о нем слышал, что он пырнул ножом караульного в армии из-за того, что тот не захотел выпустить его за водкой. Но я помню времена, когда Юрик был немного добрее. Меня, Мауса и Леху он все же опасался. Мы действовали слаженно и организованно, и поэтому Юра по возможности не смотрел в нашу сторону. Особенно после того, как мы курили с ним одну сигарету на троих, и он облюбовал фильтр. «Вафлер ебанный», – сказал Леха, и это окончательно выстроило между нами стену непонимания. Но в какой-то момент один ущербный парень из параллельного класса признался, что после уроков они ходят пить пиво и хавать в нехило заряженную Юрикину трешку через два дома от школы, где тот живет с мамой – владелицей ночного клуба на окраине Москвы и дома бывавшей крайне редко. Пацаны знали их дом, и после уроков мы решили проводить Юрика, чему тот был крайне удивлен. «А ты вроде нормальный пацан, Юрец. Че сегодня, какие планы?» – поинтересовался Маус. Но Юра насторожился и, когда мы плавно подвели его к теме: «Давай у тебя затусим, раз у тебя такая малина», – Юра наотрез отказался. Мы проводили его до квартиры на пятом этаже, но он резко захлопнул за собой дверь. Тогда мы немного побили в нее ногами, но Юра притаился и сделал вид, будто ничего не слышит. Поздно вечером Юрина мама позвонила моей и стала жаловаться, что я ключом на их дорогой железной двери выцарапал большими буквами слово «хуй». Но мама по привычке сказала, что она в это не верит и посоветовала позвонить родителям Мауса, а те предложили позвонить родителям Лехи, которые, наверное, тоже что-то посоветовали. А что им оставалось делать? Мы все уже давно вели себя, как члены какой-нибудь «Коза Ностры»: «Ни слова о делах». Через некоторое время Юра все же перестал сопротивляться и, забыв прошлые обиды, стал нашим другом. Именно тогда началось по-настоящему беспечное время, к которому мы быстро пристрастились и в какой-то момент вообще перестали посещать занятия – особенно мы с Юрой: хорошие оценки нам и так не грозили. По утрам я сразу шел к нему, его мать уходила рано, оставляя немного денег на карманные расходы и заряжая холодильник едой из ночного клуба, в основном кастрюлями салатов. Правда, ее слегка удивляло, что Юра все съедал.

– Мама, я расту, – отвечал он ей.

Хотя дальше этому ученику 7-го класса расти было просто опасно, наверное, он уже и так напоминал ей Гаргантюа и Пантагрюэля, вместе взятых. Он открывал мне дверь, заспанный и в халате на голое тело, с торчащей изо рта неприкуренной сигаретой. Я был уверен, что с тех пор, как он проснулся, что случилось за 20 минут до моего звонка в дверь, он стоял перед зеркалом в маминой комнате и изображал из себя гангстера. Первое, что мы делали – это подсчитывали ресурсы.

– У тебя сколько?

– 40, кажись, и еще полпачки «Золотой Явы», – отвечал Юрик.

– И у меня полтинник... нормально живем. После шести еще Маус и Тоха с Лехой хотели подтянуться. Сегодня «Спартак» играет.

– Не, а че мы их ждать будем? – говорил Юрик и пытался скорчить что-то вроде таинственной улыбки, но у него это плохо получалось.

Было и так понятно, что сейчас мы пойдем за пивом и ждать никого не будем. Ведь полностью игнорируя занятия, мы рискуем значительно больше и нам просто необходимо снимать стресс. Из трехкомнатной квартиры с кожаными диванами, большим телевизором и видеоманитофоном, мы выходили, только когда заканчивались выпивка и сигареты, а это случалось примерно к концу учебного дня. И тогда мы шли к железным воротам в школу, чтобы отжать немного денег по методу «добрый – злой» у тех, кто оттуда выходил. Я был «добрым» и вел разговор, а Юра к тому моменту уже был пьян и смотрел с высоты своего роста на потенциальную жертву, скрипя зубами. «Жертва» даже не догадывалась, что в этот момент Юрик скорее всего думал о бабах. Это было постоянным предметом его размышлений, он уже в течение года каждый день смотрел одну и ту же видеокассету с садомазохистским порно – другой он не нашел. Поначалу он проматывал сцены, где латексные тетки из 80-х отливают связанным мужикам на лицо, а потом привык.

– Сейчас она сперва посылит этому усатому в рот, затем выпорот, запрет в железную клетку, затем будет долго вертеть жопой у него перед носом и только потом даст, – комментировал фильм Юра.

– Блядь, все как в жизни, – отвечал ему Леха.

Хотя, как оно в жизни, никто из нас не знал, потому-то мы и собрались впятером зыркать этот фильм после школы.

Но отбирать деньги у отличников было не самым приятным занятием, в большинстве своем они были не очень-то богаты и такие же, как мы, – просто у них был кто-то дома, кто заставлял их учиться. Поэтому мы никогда не прибегали к насилию, если кто отказывался делиться.

Ведь за редким исключением все были свои, и мы предпочитали со всеми дружить, как дружили с Люсей. Она была самой умной в классе, почти все учителя вообще не понимали, что она делает среди нас. Она была в меня влюблена, но без взаимности – я был влюблен в минибар ее отца, в котором постоянно пополнялись запасы вискаря, коньяка и ликеров, и в Люсину игру на гитаре, когда мы с Юрцом уже нажремся. После школы мы ходили к ней. Я был единственным человеком, с кем она могла поговорить о музыке. Она любила «Sonic Youth» и «The Smashing Pumpkins». Мы слушали музыку в ее комнате, а Юрик на кухне взламывал замок у шкафчика с алкоголем. Ее отец уже не раз его менял, а Люся отмазывала нас, ссылаясь на хахалей старшей сестры. Я знал, что Юра сейчас ломает замок, и делал музыку погромче.

Так длилось год. В конечном счете, меня выгнали из школы. Оставалось только одно – пойти в вечерку, что я и сделал, а Юра завис на второй год и еще сильнее выделялся своими размерами на общем фоне. Для его матери это будет нелегко, и она начнет принимать меры. Сначала она подселит бабушку, чтобы та будила его в школу и следила, чтобы он никого не приводил. Но бабушку Юра полностью подчинит. По утрам она вставляла сигарету ему в рот, прикуривала и шла готовить завтрак. Днем Юра отправлял ее домой на другой конец Москвы, чему она была искренне рада. Мать начала закрывать на замок свою комнату, где стояли телевизор, компьютер и видак, без которого Юра уже не мог обходиться, и со словами: «А нахуй!» – он выбивал дверь ногой. Благодаря бабушке и своим маленьким одноклассникам, которые называли его «лордом», доходы Юры сильно увеличились, и он действительно был почти счастлив. Пока мать не привела жить с ними своего охранника. Может, это была любовь, может, отчаянье, но в первый же вечер этот, перекрашенный в блондина двухметровый качок, пробил Юре голову железным тазиком. Теперь Юра не прогуливал школу, делал уроки и зани-

мался спортом. Его отдали в секцию бокса, где довольно быстро он начал делать успехи. Очень скоро он уже участвовал в трехраундовых поединках. Юра валил всех, кого бы против него ни поставили. Сначала он не делал ничего, затем пропускал пару ударов и взрывался, обрушивая на соперника град сильнейших ударов. Но он так и не выиграл ни одного боя в конечном счете, поскольку с него снимали очки за неспортивное поведение: когда Юра бил, он непременно выплевывал капу и орал на соперника отборным матом – так повторялось из раза в раз. Однажды я встретил Юру в морозное зимнее утро, он нарезал круги на лыжах вокруг школы. Еще даже занятия не начались, а он уже напялил эту уебищную лыжную шапочку, которая окончательно выдавала в нем человека, способного на крайнюю жестокость.

– Хуйли ты тут делаешь? – спросил я.

– Тренируюсь.

– Зачем?

– Хочу убить отчима, – спокойно ответил Юра с видом человека, который уже все тщательно спланировал.

Юля и Саша – две брюнетки, самые взрослые девочки из нашего класса. Саша жила рядом с Юриком, а Юля – в высотке (так мы называли двенадцатизэтажку в глубине района). Они приехали из Ростова, мы дружили с ними. Но они немного побаивались Юру из-за его плохо скрываемой сексуальной озабоченности, поэтому в тот день попросили меня не брать его с собой. «Говно вопрос», – подумал я. Наш путь лежал на крышу Люсиного девятиэтажного дома. Был очень жаркий день, и девчонкам хотелось загорать. Они купили пива, я – портвейн. Вечером родители Люси должны уйти в гости, и мы пойдем к ней, а пока мы будем жариться на крыше, покрытой рубероидом, возле будки лифтера, и пить теплый портвейн. Саша с Юлей постепенно пьянеют, смеются и обсуждают остальных девочек в классе. Суть обсуждения сводится к тому, что те совершенно плохие на их фоне. Я не возражаю, курю и пускаю бутылку по кругу, мы выпиваем. Этот день мне нравится все больше и больше. Девочки спрашивают меня, почему я такой, почему я ничего не делаю, зачем я связался с Юриком, который только и может, что жаловаться, как у него болит член от постоянного онанизма. Я стараюсь перевести разговор в более мягкое русло, но в какой-то момент понимаю, что Саше не хило дало по нагретым на солнце мозгам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.